

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 2

1983

Расул ГАМЗАТОВ

ОЧАРОВАННЫЙ ВСАДНИК

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Расул ГАМЗАТОВ

ОЧАРОВАННЫЙ ВСАДНИК

*Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Расул ГАМЗАТОВ

Народный поэт Дагестана Расул Гамзатович Гамзатов родился в 1923 году в селе Цада Хунзахского района в семье народного поэта Гамзата Цадасы. Был учителем. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Член КПСС. Секретарь правления СП СССР.

Печатается с 1937 года. Первый сборник стихов «Пламенная любовь и жгучая ненависть» вышел в 1943 году. В разное время были опубликованы сборники стихов и поэм: «Наши горы», «Земля моя», «Родина горца», «Слово о старшем брате», «Дагестанская весна», «В горах мое сердце», «Высокие звезды», «Мулатка» и др. Широкую известность приобрели поэмы Р. Гамзатова «Горянка», «Разговор с отцом». Стихи поэта переведены на многие языки народов СССР и на иностранные языки.

Герой Социалистического Труда.

Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

Депутат Верховного Совета СССР с 6-го созыва. Член Президиума Верховного Совета СССР. Член Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. С 1951 года возглавляет писательскую организацию Дагестана. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями.

ОЧАРОВАННЫЙ ВСАДНИК

Лет десять мне было в ту пору,

когда

Верхом на коне изабелловой масти,
Кунак стихотворцев — властителей страсти,
К нам Тихонов въехал в селенье Цада.

А рядом с ним, данники дружбы мужской,
Кремнистой дороги осилив излуку,
Был Петр Павленко по правую руку,
По левую руку — в седле Луговской.

— Где здесь проживает Гамзат Цадаса?
И встречных тотчас отозвалась забота,
И я распахнул пред гостями ворота,
И горских приветствий слились голоса.

Сказал «Ассаламу алейкум!» отец,
К груди и ко лбу прижимая ладони.
И прями ушами вспотевшие кони,
И спешили всадники — всяк молодец.

Я вижу все это как будто во сне:
Коней расседлав, ячменем их кормили
Два брата моих, что потом на войне
Горячие головы честно сложили.

А в доме беседа велась за столом,
Лучилось вино и дымились закуски.
Звучали стихи по-аварски и русски.
И пламень очажный взметался крылом.

И Тихонов вспомнил кого-то с тоской,
И верности память давала поруку,
По левую руку вздохнул Луговской
И Петр Павленко — по правую руку.

А вечером мне оказали вдруг честь,
Позвали к столу, чьи законы прекрасны.
И молвил отец:

— Разрешаю прочесть
Стихи, мой сынок, если гости согласны.

Откликнулся Тихонов, как на скаку:
— Друзья, молодому поэту я внемлю!
Но сын Цадаса, позабывший строку,
Умолк, провалиться готовый сквозь землю.

Сгорал от стыда я, в слезах, как свеча,
И мог бы остаться забытой строкою,
Но Тихонов, помню, крылатой рукою
Легко моего вдруг коснулся плеча.

Он был,
очарованный всадник, в чести
У неба, которым ничто не забыто.
Мерцают поныне на Млечном Пути
Его скакуна золотые копыта.

И верен, как прежде, он жизни людской,
И в ней пребывает на радость и муку.
С ним Петр Павленко по правую руку,
По левую руку — в седле Луговской.

Я ЗНАЛ ИХ ВСЕХ...

Как я живу — не вечность ли минула
Среди вершин в заоблачном снегу,
И половины жителей аула
Сегодня досчитаться не могу.

И на плече моем темнеет мета
От тех гробов,
в которых на тот свет
Из этого пленительного света
Уплыл, как в лодке, не один поэт.

И не вчера ли, горький сон навеяв,
Ночь властно повела меня Москвой,
И вижу вдруг: передо мной Фадеев,
Лик бронзовый, холодный, неживой.

Я, закричав, в слезах проснулся ночью,
К груди ладонь измученно прижав,

И наяву предстал он мне воочью,
Живой, седой и ликом моложав.

Нет, пуля не смогла поставить точки —
Он весь исполнен страсти и ума.
И снова перечитываю строчки
Его ко мне заветного письма.

И вечен клекот в каменной гортани
Там, где касаясь вольного пера,
Чеканил стих собрат мой Чиковани,
Он будет жить, покуда мчит Кура.

Как часто в мире сиротело слово,
Я прошлого распахиваю даль,
Искрится шутка на устах Светлова,
Слилась с улыбкой древняя печаль.

И вновь звонит мой телефон московский,
И разом кровь прихлынула к виску,
И слышу я, как говорит Твардовский:
— Вставай, Расул, поедем к Маршаку!

Всяк был собою и пророкам равен,
И я о том поныне не забыл,
Что Павел Антокольский, как Державин,
Нас в молодости всех благословил.

О Пушкине, о Блоке, о предтечах
Он говорил нам, пылкий, как мангал.
И трепетно Ахматовой при встречах
Я царственную руку целовал.

И чудится, что вновь мой современник,
Взметнув стиха российского глагол,
Всех истинных поэтов соплеменник,
Над Алазанью Тихонов прошел.

Какие люди и какие нравы!
Я был еще парнасский новосел,
Когда Сельвинский, не избегший славы,
Мои стихи впервые перевел.

И небесам поставлен был в заслугу
Мой звездный час у горного ручья,

Когда стихи читали мы по кругу,
Назым Хикмет, Самед Вургун и я.

И память в грудь стучится мне упрямо.
И, кажется, у белого шатра
Мы чаши над могилою Хайяма
С Турсун-заде сдвигали лишь вчера.

И навсегда повенчанный с войною,
Победоносный в прозе и стихах,
Живой и мертвый Симонов со мною,
Чей с полем боя породнился прах.

И юношам пусть снятся не парады,
И если в бой они рванутся вдруг,
То осенит их «Знаменем бригады»
Аркадий Кулешов — мой старый друг.

Давно союз поэтов узаконен,
И помню: сквозь клубящуюся мглу
Ко мне на день рождения Луконин
Отчаянно летел в Махачкалу.

Поэту дань — не памятника глыба,
А слово, перешедшее в молву.
Нет Рыльского и нет Абуталиба,
Душа моя, как долго я живу.

Какие люди и какое время!
Привиделось былое не во сне.
Уважь меня, подай мне, мальчик, стремя,
Я знал их всех, ты позавидуй мне!

ОТВЕТ ИРАКЛИЮ АНДРОНИКОВУ НА ПРИГЛАШЕНИЕ С ГРУППОЙ ПОЭТОВ ПОЕХАТЬ В МИХАЙЛОВСКОЕ

Благодарю, Ираклий, что меня
По старой дружбе ты не забываешь
И к Пушкину поехать приглашаешь
По случаю торжественного дня.

Но стоит ли, Ираклий, для речей
Врываться нам в Михайловское с шумом,

Где он творил, где предавался думам,
Где в тишине был слышен треск свечей?

Хозяин дома окна закрывал,
Чтоб слуха не тревожили сороки,
Когда роиться начинали строки
И с неба ангел стремя подавал.

Со школьных лет до роковой черты
Весь век стихами Пушкина мы бредим.
Давай с тобой вдвоем к нему поедем,
Служенье муз не терпит суеты.

Не знаешь ли, Иракий, почему
Я вспоминаю нынче постоянно
О том, как Пущин тихо и неожиданно
Примчался на свидание к нему?

Давай с тобою Пушкина почтим
И, не сказавши женам и соседям,
В Михайловское тайно мы уедем
И головы седые преклоним.

* * *

К. И. Чуковскому

I

Причастный к событиям многим,
Судьбою ты был возносим,
Как мудрость над знанием убогим,
Как совесть над словом кривым.

И мир с четырьмя сторонами
К тебе незабвенно привык.
И вновь ты беседуешь с нами,
Бедовый и вещей Старик.

И высятся гордые сосны
Над этой беседой вокруг,
Связуя зеленые весны
И время клубящихся вьюг.

На посох слегка опираясь,
Ты бродишь со мной дотемна,
Иным из ушедших на зависть,
Связуя собой времена.

II

Ровесник разных поколений,
Среди других ты и меня
Почтил вниманьем, добрый гений,
Вблизи очажного огня.

И я познал страстей пучину,
Куда давно себя ты вверг,
И на тебя, как на вершину,
Всегда смотрел я снизу вверх.

И всякий раз при нашей встрече
Сходились, как в былые дни,
Мои великие предтечи,
Друзья старинные твои.

И не меня ль на перевале
Венчал ты, будто бы Казбек,
Рукой,
которую пожали
Минувший и двадцатый век.

В ОКРУЖЕНИИ

Мариэтте Шагинян

Была в окружении рота,
Сражаясь в смертельном кругу,
И вскоре не выдержал кто-то
И сдался на милость врагу.

Но бой продолжался, как прежде,
И волею был одержим
Приказ оставаться в надежде,
Приказ пробиваться к своим.

А недруг сулил им другую
Судьбу не ценой головы:

— Сдавайтесь!

Прорвать круговую
Засаду не сможете вы!

Но верность хранили зарок
Солдаты, шатаясь от ран.
И вел их, подобно пророку,
В кровавых бинтах капитан.

Он не обещал им почета,
А только — на волю права.
Прорвав окружение, рота
Была ни жива, ни мертва.

И славной свободы при этом
Известна ей стала цена...
Бывать в окруженье поэтам
Случалось во все времена.

Чуть теплились звезды надежды,
Мерцая над словом живым.
— Сдавайтесь! —

кричали невежды,
К мундирам прильнув голубым.

Страшась, что имеют поэты
Над словом пророческим власть,
— Сдавайтесь! —

кричали клеветы,
Меня крапленую масть.

И кто-то сдавался на милость
Поправшему совесть врагу,
Но кровь непокорно дымилась
На грозном январском снегу.

И гроб на санях до рассвета
Сокрылся,

а рядом конвой.
Но юноша в чине корнета
Бесстрашно рискнул головой.

Отважно поэты сражались,
И честь им была дорога.
К потомкам они прорывались,
Прорвав окруженье врага.

Всех лучше им стала при этом
Свободы известна цена.
Бывать в окруженье поэтам
Случалось во все времена.

БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНЕ, СПАСШЕЙ ПОЭТА

День ушел, как будто скорый поезд,
Сядь к огню, заботы отложи.
Я тебе не сказочную повесть
Рассказать хочу, Омар-Гаджи.

В том краю, где ты, кавказский горец,
Пил вино когда-то из пиал,
Знаменитый старый стихотворец
На больничной койке умирал.

И, преодолевающий страданья,
Вспоминал, как на закате дня
К женщине скакавший на свиданье
Он загнал арабского коня.

Но зато в шатре полночной сини
Звезды увидел в ее зрачках,
А теперь лежал привстать не в силе
С четками янтарными в руках.

Почитаем собственным народом,
Не корил он, не молил врачей.
Приходили люди с горным медом
И с водой целительных ключей.

Зная тайну лекарей Тибета,
Земляки, пустившись в дальний путь,
Привезли лекарство для поэта,
Молодость способное вернуть.

Но не стал он пить лекарство это
И прощально заявил врачу:
— Умирать пора мне! Песня спета,
Ничего от жизни не хочу.

И когда день канул, как в гробницу,
Молода, зазывна и смела,

Прикатила женщина в больницу
И к врачу дежурному прошла.

И услышал он:

Теперь поэту
Только я одна могу помочь,
Как бы ни прибегли вы к запрету,
Я войду к поэту в эту ночь!

И, под стать загадочному свету,
Молода, как тонкая луна,
В легком одеянии к поэту,
Грешная, явилася она.

И под утро с нею из больницы
Он бежал, поджарый азиат.
И тому имелись очевидцы
Не из легковерных, говорят.

Но дивиться этому не стали
Местные бывалые мужи,
Мол, такие случаи бывали
В старину не раз, Омар-Гаджи.

И когда увидят все воочью,
Что конца мой близится черед,
Может быть, меня однажды ночью
Молодая женщина спасет.

НЕ ЗНАЛА ТЫ СОПЕРНИЦ НИКОГДА...

Люблю я ночи черные, как порох,
Люблю гнездовые отчье — Цада.
Люблю всех женщин я,
 среди которых
Не знала ты соперниц никогда.

Люблю держать вершины на примете
И меж границ небесных и земных
Поделены все женщины на свете
Мной на тебя и женщин остальных.

Люблю, когда в распахнутых просторах
Меня несут, мерцающая, поезда,

Люблю всех женщин я,
 среди которых
Не знала ты соперниц никогда.

Стою ли я на скальном парапете
Или плыву вдоль берегов чужих,
Поделены все женщины на свете
Мной на тебя и женщин остальных.

* * *

Порою истиной грешат
И парни молодые,
И те мужи, чей зорек взгляд,
А головы — седые.

И утверждаю неспроста
Я, будучи поэтом,
Что женщин милые уста
Мной уличались в этом.

И стих иной похож вполне
На первый день в апреле...
Иди ко мне, иди ко мне,
Дитя из колыбели.

* * *

Божественной достигнув высоты
И отражая дней своих приметы,
Художники сумели на холсты
Перенести библейские сюжеты.

Пишу в стихах, любовью обуян,
Я образ твой, хотя запрет на это
Давно как в мире наложил коран,
Но страсть моя сильнее его запрета.

* * *

Синий над белой тропой небосвод,
Лес облетает. Хурма желтокожа.
Птица-подранок на крыше поет,
Песня моя, ты не с нею ли схожа?

Горной вершины родное дитя —
Мчится река вдоль гранитного ложа.
Гибель арба на дороге найдя,
Чем-то с разбитой надеждою схожа.

Холм поднебесный прижался к холму,
С них не сводя восхищенного взгляда,
Взмыл неприрученный сокол.

Ему

Сердце мое уподобиться радо.

Синий над белой тропой небосвод,
Скалы оттенка запекшихся маков.
Дикий цветок,
что над бездной растет,
Нравом с любовью моей одинаков.

МЕСТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

Давай отомстим петуху во дворе:
Поймаем — и голову прочь.
Не он ли кричал нам с тобой на заре,
Что страсти окончилась ночь?

Ощиплем, зажарим и скажем ему:
— Чуть свет ты кричать был охоч,
Но вести теперь не подашь никому,
Что страсти окончилась ночь.

Ощиплем и пухом подушку набьем,
Что легок, как дым в синеве.
Нам эта подушка поможет вдвоем
Лежать голова к голове.

А завтра багрянец по ранней поре
Край неба как ни оторочь,

Не сможет воскликнуть петух во дворе,
Что страсти окончилась ночь.

КОНЯ УВИДИШЬ — ПОКЛОНИСЬ

Наездник спешенный,
я ныне,
По воле скорости самой,
Лечу к тебе в автомашине:
— Встречай скорее, ангел мой!

Там, где дорога неполога,
Давно ли, молод и горяч,
В седло я прыгнуть мог с порога,
Чтоб на свиданье мчатся вскачь?

Был впрямь подобен удалцу я,
Когда под вешнюю хурмой
Коня осаживал, гарцуя:
— Встречай скорее, ангел мой!

Случись, потянет ветром с луга
И ржанье горского коня
Вдруг моего коснется слуха,
Вновь дрогнет сердце у меня.

Хоть в небесах извечный клекот
Над головой еще парит,
В горах все реже слышен цокот
Железом венчаных копыт.

Но все равно в ауле кто-то
С коня под звездной полутьмой
Ударит плетью о ворота:
— Встречай скорее, ангел мой!

И до сих пор поет кавказец
О предке в дымной вышине,
Как из чужих краев красавиц
Он привозил на скакуне.

В конях ценивший резвость бега,
Надвинув шапку на чело,
Во время чуткого ночлега
Он клал под голову седло.

И помню, старец из района
Сказал, как шашку взяв подвысь:
— Коль из машины иль вагона
Коня увидишь — поклонись!

И все мне чудится порою,
Что я коня гоню домой,
И вторит эхо над горою:
— Встречай скорее, ангел мой!

* * *

Читая вас, я удивляюсь снова,
Как вы могли, глашатаи сердец,
О матерях не написать ни слова,
Махмуд, Эльдарилав и мой отец?

И говорит Махмуд из Кахаб Росо:
— Я не сводил с Марьям влюбленных глаз,
Ты своего не задал бы вопроса,
Когда бы увидал ее хоть раз.

Марьям я поклонялся безраздельно,
Ее певцом прослав между людьми,
И вспомнил мать

лишь в миг, когда смертельно
Был выстрелом сражен из-за любви.

И вторить стал Эльдарилав Махмуду:
— Клянусь, и я не мог предугадать,
Что, Меседо увидев,

позабуду
И целый свет и собственную мать.

И лишь когда отравленную в Чохе
На свадьбе чашу осушил до дна,
Окликнув мать я на последнем вздохе,
И предо мной явилася она.

— А что же ты под небом Дагестана
Мать не воспел? —

спросил я у отца.

— Не помнил я, осиротевший рано,
Ее заботы, песен и лица.

Завидных строк наследник полноправный,
О, как бы я,

глашатаи-сердец,

Воспел бы мать, имея дар ваш славный,
Махмуд, Эльдарилав и мой отец.

ПЯТЬ ПЕСЕН ХАДЖИ-МУРАТА

Пять раз моя прострелена папаха,
Наиб, достойный сабли и коня,
Хаджи-Мурат

я, родом из Хунзаха,

Как пять молитв, пять песен у меня.

И первая для матери, чтоб знала:
Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала,
И неразлучна с саблею рука.

Вторая песня, схожая с молитвой,
Для Дагестана, чья бедна земля,
Где наречен был,

вознесенный битвой,

Я — правую рукою Шамиля.

Хочу, чтобы земля родная знала:
Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала,
И неразлучна с саблею рука.

А третья песня для жены,

с которой

Не часто я бывал наедине.
Наследник мой пусть будет ей опорой,
Когда она заплачет обо мне.

Я песню для нее пою, чтоб знала:
Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала,
И неразлучна с саблею рука.

А песнь моя четвертая для сына,
Вблизи и вдалеке родных вершин
Врагов моих всех знает до едина
Воинственный единственный мой сын.

Хочу, чтоб в нем душа лихая знала:
Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала,
И неразлучна с саблею рука.

А недругу, над лезвием булата,
Пред боем песню пятую пою:
— Не отступай, встречай Хаджи-Мурата,
Я по тебе соскучился в бою.

Хочу, чтоб сторона чужая знала:
Моя еще не срублена башка,
И скакуна мне удаль оседлала,
И неразлучна с саблею рука.

БЕДНАЯ ОВЕЧКА

Ты безгрешна до того,
Что почти святою стала.
Не загрызла никого,
Никого не забодала.

Дважды в год тебя стригут
До последнего колечка.
И однажды в пять минут
Шкуру начисто сдерут,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Человек родился:
 пир!
И венчаешь ты шампуры,
Человек покинул мир —
И осталась ты без шкуры.

Настежь дверь пред кунаком,
И дохнула жаром печка.
Укус смешан с чесноком,
И запахло шашлыком...

Бедная овечка,
Бедная овечка!

Грудой тонкого руна
Ты дрожишь в извечном страхе
И в любые времена
Даришь мужеству папаху.

Похудеть готов бурдюк,
Чтоб вино лилось, как речка.
А тебе опять каюк:
Слишком лаком твой курдюк,
Бедная овечка,
Бедная овечка!

Ты невинна и кротка,
И поэтому не сдуру
Для злодейств во все века
Волк в твою рядится шкуру.

Слова истинного лад
Не согрется, как насечка.
И порой всю жизнь подряд
Про кого-то говорят:
Бедная овечка,
Бедная овечка!

ОДНАЖДЫ В КАНАДЕ

Канада... Предгорье... Трава зелена.
И в поле...

О том позабуду ль?
Гнедого ко мне подвели скакуна:
— А ну покажи свою удаль!

Ты родом с Кавказа.
Молва к нам дошла
Там здравствует всадников племя.
Ладонь положил я на луку седла
И ногу просунул я в стремя.

Скакун пожелал испытать ездока,
Свободы потребовал с ходу.
И тут я поводья ослабил слегка
И дал иноходцу свободу.

Отчаянно голову к гриве клоня,
Был скачке предаться не прочь я,
Желая увидеть, как в поле с коня
Срываются мыльные клочья.

Сверкал он белками чуть скошенных глаз
Под красной попойой восхода.
Нет, я не подвел твоих,
отчий Кавказ,
Наездников древнего рода.

ПОКАЯНИЕ

Со многими людьми мне дорогими
Я встретиться при жизни опоздал,
Как опоздал расстаться я с другими,
Достоинства в которых не встречал.

Недолгие отпущены нам сроки,
И остается мне себя корить,
Что опоздал сложить такие строки,
Которые обязан был сложить.

И не скрываю собственной вины я,
Что опоздал в минувшие года
Написанные мной стихи иные
Швырнуть в огонь, сгорая от стыда.

Грех ни один да будет мне отпущен
За ту печаль мою,
что опоздал
В Михайловское к Пушкину, как Пушин,
Приехать я, и молод и удал.

Под Машуком противников расставил
Несправедливый, ветренный судья.
Не допустил бы нарушенья правил,
Будь секундантом Лермонтова я.

Пред памятью людской благоговей
Склонился мир, таков его удел.
О том грущу, что в дом Хемингуэя
Я из России поздно прилетел.

И как не предаваться укоризне,
Когда опять из-за сует земных
Не помянул усопшего на тризне,
Со свадьбой не поздравил молодых.

Души не облегчит мне покаянье,
И тем могу утешиться лишь я,
Что некогда с тобою на свиданье
Не опоздал, любимая моя.

КАДРИЯ

Вижу кровь, замирая от боли,
Опаленные вижу крыла...
Кадрия,
горской музы давно ли
Ты заветной надеждой была?

Не ногайской степи грамотейкой
В этот мир прискакавшей верхом,
А застенчивою чародейкой
Ты вошла и блеснула стихом.

Кто на жизнь молодую позарясь,
Смог злодейства исполнить приказ,
Не стекляшки ли черная зависть
Погубила бесценный алмаз?

Черноброва, тонка, смуглокожа,
Сделав сестрами звезды ночей,
Ты была на японку похожа
Азиатским разрезом очей.

Стонет Каспий с тобою в разлуке:

— Кадрия! —
рвется на берег он.

— Это я! —
протяни к нему руки,
Отзовись, выходя на балкон.

— Кадрия! Кадрия! —
это чайки

У раскрытого кличут окна:
— Почему в нем не видно хозяйки
Или нас позабыла она?

Не тебя ль белый ангел успеха
Выше черных вознес небылиц?
Отзовись, отзовись, словно эхо,
Зову моря и клетку птиц.

В лунном свете и в сизом тумане
Ты поешь нам, куда ни ступи:
«Может, не было б гор в Дагестане,
Не раскинъ я ногайской степи».

Не Алхин ли Марин вспоминалась ¹
И не Анна ли Франк мне,
 когда,
Лет прожившая самую малость,
Закатилась ты, словно звезда?

Вижу степь у подножия кручи,
А в степи затерявшийся след.
И не твой ли, пробившись сквозь тучи,
Льется с неба таинственный свет?

ДЕРХАБ

От века в горах Дагестана,
Который в застолье не слаб,
Живет золотого чекана
Даргинское слово: «Дерхаб!»

Вместительней винного меха,
Всегда заключает оно
В себе пожеланье успеха
И все, за что пьется вино.

Дерхаб!
 С добрым утром! А ну-ка!
Ты к солнцу шагни из дверей.
Стрелю из звонкого лука
Колечко пронзи поскорей!

Дерхаб!
 По закону Кавказа
К возлюбленной сватов направь!

¹ Алхин Марин — аварская поэтесса прошлого века, которой, согласно преданию, зашили губы.

Дерхаб!
Да не будет отказа,
И сном вдруг покажется явь!

Дерхаб!
В честь рождения сына
Ты пулю всади в потолок.
Рождение дочки — причина,
Чтоб выбить из бочки пупок!

Был конным, а ныне ты пеший,
Дерхаб, неудаче назло
Ты голову грустно не вешай!
Дерхаб!
Еще прыгнешь в седло!

Дерхаб,
если встретил ты друга!
Дерхаб,
если встретил врага:
Я рядом — твой меч, и кольчуга,
И чести надежный слуга!

Дерхаб,
чтоб, не ведая страха,
Имели бы голову вы!
Дерхаб,
чтоб лихая папаха
Была у лихой головы!

Да минет нас год безотрадный,
Чтоб сердцем никто не озяб!
Дерхаб и лозе виноградной,
И хлебному полю — дерхаб!
Войны лишь бы не было в мире,
Верх зло не взяло бы.

Дерхаб!
А в спорах да будем мы шире
И не узколобы.
Дерхаб!

Всходите к заветным вершинам!
И, вольной поэзии раб,
Я выражу в слове едином
Вам добрые чувства:

«Дерхаб!»

* * *

Как на схватку ашуга ашуг,
Сам себя вызываю я в круг:

- Чем ты славен и чем ты силен?
- Тем, что смолоду вечно влюблен!
- А в кого? Расскажи не тая!
- Знают женщины лучше, чем я!

- Что ты понял, ответь? — Лишь одно,
Что грешу я стихами давно.
- А чего ты не понял, хоть сед?
- Я от бога поэт или нет!..

Как на схватку ашуга ашуг,
Сам себя вызываю я в круг:

- Кто ты будешь? — Я горский посол!
- Что ты знаешь? — Откуда пришел!
- А чего ты не знаешь тогда?
- Дня, когда я уйду и куда!

- Что ты видишь, касаясь пера?
- Вижу то, что случилось вчера.
Но как в дымке все то для меня,
Что случилось третьего дня...

Как на схватку ашуга ашуг,
Сам себя вызываю я в круг:

- Что ты слышишь с отеческих круч?..
- Голос неба из аспидных туч.
- А еще что ты слышишь с тропы?
- Слышу рукоплесканье толпы,
Черной зависти ропот глухой
За спиною удачи лихой.

А хотелось услышать бы мне
Голос горных вершин в тишине...

Как на схватку ашуга ашуг,
Сам себя вызываю я в круг:

— С красным солнцем за левым плечом,
Давний путник, покаешься в чем?

— Видел, грешный, я улиц гульбу,
В честь веселья из ружей пальбу,
Но заметить порой, видит бог,
Горя в доме соседа не мог.

— Если встать, крутизне вопреки,
Над седой колыбелью реки,
Что предстанет с вершины внизу?
— Мир, себя погрузивший в грозу.

И не зря в этом мире хочу
Я надежды затеплить свечу.
— Даль познав с перезвона стремян,
Где бывал ты? — Во множестве стран.
— А куда не проник ты за век?
— В тайну смысла, чем жив человек!

* * *

В тревоге и надежде
Моя звучит мольба:
— В трех милостях, как прежде,
Не откажи, судьба.

Пусть над моей тропею,
Как я к тому привык,
Светясь, затмит собою
Все звезды женский лик.

И там, где мир, как шалый,
Безумствовать горазд,
Пусть мне старик бывалый
Благой совет подаст.

И, как судило время,
Над горною грядой
Пусть подает мне стремя
Преемник молодой.

ДОСТОЙНАЯ ЧЕТА

Куда ни глянешь: все бело кругом,
Давно, как ветры с Севера подули,
Два возраста моих пред очагом
Присели в древнекаменном ауле.

То молодости буйные лета,
То зрелости неветренные годы,
И пламенем,
исполненным свободы,
Любуется достойная чета.

Стучится в двери ветер, как гонец,
От очага сладчайшим тянет дымом,
Как будто бы с наследником отец
Сидят вдвоем в раздумье молчаливом.

Не надо им ни хлеба, ни вина,
И сабли их — в ножнах по рукояти,
А души — всем желают благодати
И милосердья каждая полна.

Минувшие и нынешние дни
Пред очагом сошлись, огня не застя,
Мне бесконечно дороги они,
И пусть в их честь вам не изменит счастье.

ГОВОРИ НА ПЛЕНИТЕЛЬНОЙ МОВЕ

Не колышется лист в тишине,
Ветер в степь улетел, куролеся.
Это ты говоришь со мной, Леся,
Или музыка слышится мне?

В языке моем сабельный лязг
Пронизал почти каждое слово,
И полна упоительных ласк
Не твоя ль златоустая мова?

Ты со мною на ней говори,
Завораживай снова и снова,
Хоть из каждых пяти —
только три
Понимаю украинских слова.

Но зачем к переводу хитро
Прибегать по сегодняшней моде?
Золотое теряет перо
Слово-птица в ином переводе.

Начинаю весь свет забывать,
Ты затмила его не собой ли?
Как черны твои брови соболю,
Звездны очи и празднична стать!

Отзваться тебе до зари
Стану каждую капелькой крови,
Только лаской меня одари,
Говори на пленительной мове.

* * *

Я был подобен скучному докладу,
Когда неожиданно в лунной полумгле
Явилась ты унять мою досаду
И тень развеять на моем челе.

И я как будто сокол встрепенулся,
Ловитвы чей неожиданно грянул миг.
И в прелести твоей не обманулся
И возвращенье юности постиг.

А, может быть, я впал в огнепоклонство,
Всей кровью необузданно горя?
И чью-то лесть и чье-то вероломство
Легко забыл, тебе благодаря.

С тобой бежал словес я,
от которых
В тоске дремотной голову клонил.
И листьев ты мне подарила шорох,
Плеск речки и мерцание светил.

И понял я, что мне дороже рая
Привольная земная благодать,
Когда приходит молодость вторая,
И мы всю ночь безумствуем опять.

* * *

Был когда-то и я молодым,
Преисполнен надежд и веселья.
С каждым годом все шире ущелье
Между мной молодым и седым.

Перебраться б на сторону ту,
Где скакун мой был в кружеве пены,
Где не ведал я черной измены
И окрест наблюдал высоту.

А сегодня, себе вопреки,
Заарканен я суетным кругом,
Где меж сердцем моим и недугом
Расстоянье короче строки.

О когда бы хоть на год я смог
В молодую вернуться безвестность,
Где одно лишь достоинство — честность
И туманом окутан пролог.

Из цикла «Автографы»

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ
АЛИ-ГАДЖИ ИЗ ИНХО**

Али-Гаджи из Инхо,
ты
Молитву правил строго
И на коленях всякий раз
Привычно славил бога.

Зато порою по ночам,
Что тайною повиты,
В ауле Инхо сочинял
Любовные стихи ты.

И ныне, страсть познав в горах,
На жизненной арене
Склоняет горец, как в мольбе,
Пред женщиной колени.

Твои стихи,
Али-Гаджи,
Призвал он на подмогу:
Они к возлюбленной ему
Должны открыть дорогу.

НАДПИСЬ, СДЕЛАННАЯ МНОЮ НА КНИГЕ ОТЦА

«Тобой, отец, гордился я немало,
И лишь тебя боялся одного.
А кем теперь гордиться, как бывало?
По-прежнему бояться мне кого?»

И вдруг над материнскою могилой
Раздался голос, излучая свет:
«Отцом и впредь гордись, сыночек милый,
Его лишь бойся до скончанья лет!»

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДНЕСЕННОЙ КАИСЫНУ КУЛИЕВУ

Как лунь, голова моя стала седа,
Не время ль, Кайсын, возвратиться к истокам,
Тебе в твой Чегем, над мятежным потоком,
А мне в мой аул — поднебесный Цада?

Пока еще в седлах мы крепко сидим,
Пока не исчезли мы в суетном мире,
Пока еще сами себе мы визири,
Давай возвратимся к истокам своим.

И, может быть, в силу немногих заслуг,
Познавшим и славу и горечь кручины,
Отпустят грехи нам родные вершины,
А мы не безгрешны с тобою, мой друг!

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ ПАТИМАТ

Ты знаешь, Патимат, над тем смеюсь я ныне,
Что на заре непрозорливых лет
Писал стихи, где отдал дань гордыне
И мнил себя бог знает кем, мой свет.

Ты знаешь, Патимат, о том грущу я ныне,
Что скуден хлеб посева моего,
Что я порой,
 так легок на помине,
Стучался в дом, где нету никого.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, КОТОРУЮ Я ПОДАРИЛ ИРАКЛИЮ АБАШИДЗЕ

Три пожеланья шлю тебе, мой друг,
Я с первыми рассветными лучами:
Стократ пусть обойдет тебя недуг
Красивого, с оленьими очами.

А если заболеешь — не тужи,
К себе твое приблизив изголовье,
Возьмут недуг твой горские мужи
И отдадут взамен свое здоровье.

То строже озаряясь, то добрей,
Твой взор глядит, как с фрески пред свечами,
Еще тебе желаю: не старей,
Ты — витязь мой с оленьими очами.

А если годы станут наступать,
То с гор тридцатилетние мужчины
Прискачут, чтобы молодость отдать
Тебе, мой брат, и взять твои седины.

А третье пожеланье,
 чтоб и впредь
Ты, ощущая крылья за плечами,
В который раз мог Грузию воспеть,
Ее поэт с оленьими очами.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Очарованный всадник	3
Я знал их всех...	4
Ответ Ираклию Андроникову на приглашение с группой поэтов поехать в Михайловское	6
«Причастный к событиям многим...»	7
В окружении	8
Баллада о женщине, спасшей поэта	10
Не знала ты соперниц никогда...	11
«Порою истиной грешат...»	12
«Божественной достигнув высоты...»	12
«Синий над белой тропой небосвод...»	13
Мечь влюбленных	13
Коня увидишь — поклонись	14
«Читая вас, я удивляюсь снова...»	15
Пять песен Хаджи-Мурата	16
Бедная овечка	17
Однажды в Канаде	18
Покаяние	19
Кадрия	20
Дерхаб	21
«Как на схватку ашуга ашуг...»	23
«В тревоге и надежде...»	24
Достойная чета	25
Говори на пленительной мове	25
«Я был подобен скучному докладу...»	26
«Был когда-то и я молодым...»	27

Из цикла «Автографы»

Надпись на книге стихов Али-Гаджи из Инхо	27
Надпись, сделанная мною на книге отца	28
Автограф на книге, поднесенной Кайсыну Кулиеву	28
Автограф на книге, подаренной Патимат	29
Автограф на книге, которую я подарил Ираклию Абашидзе	29
Надпись на книге Магомед Тагира Аль Карахи, секретаря Шамиля	30
Сонет	30

Расул Гамзатович Гамзатов

ОЧАРОВАННЫЙ ВСАДНИК

Редактор **М. М. Жигалова.**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина.**

Сдано в набор 15.11.82. Подписано к печати 16.02.83. А 00627. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,48. Тираж 100 000 экз. Изд. № 610. Зак. № 3503.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВАМ, КИНОЛЮБИТЕЛИ!

Каждый кинолюбитель знает:
снять фильм — полдела!
Сложнее — обработка пленки,
изготовление копий и титров.
Эту работу возьмут на себя
КИНОЛАБОРАТОРИИ СЛУЖБЫ БЫТА.

Заказы можно оформить по почте
с оплатой их наложенным платежом.

Адреса зональных кинолабораторий:

129243, Москва, Ракетный бульвар, 4
198092, Ленинград, пер. Урюпина, 15а
344019, Ростов-на-Дону, ул. Налбандяна, 89
354000, Сочи, ул. Северная, 10
400003, Волгоград, ул. Кузнецкая, 67
620085, Свердловск, ул. Санаторная, 32
630093, Новосибирск, ул. Чаплыгина, 45
690037, Владивосток, ул. Патриса
Лумумбы, 48

Росбытреклама